

10 СЕН 1955

Талантливая певица

Всесоюзное радио и Московская филармония осуществили концертную постановку оперы Верди «Отелло». Восстановление в концертном репертуаре этого замечательного сочинения должно быть отмечено как большое и радостное событие, а коллектив участников во главе с дирижером С. Самосудом заслуживает искренней благодарности.

Думается, однако, что давать окончательную оценку новому спектаклю-концерту время еще не пришло. «Отелло» — одна из труднейших опер во всей мировой литературе. И певцам здесь необходимо долго впеваться в свои партии, вживаться в образы, и оркестру надо долго «впрыгиваться» в эту партитуру 74-летнего «гениального старца», как называл автора «Отелло» наш Чайковский. А до того времени следует, думается нам, отложить и окончательное суждение о концертной постановке «Отелло». Многие еще в этом исполнении, что называется, должны стать на свое место.

Но что действительно не терпит отлагательства — это разговор о латвийской артистке Ж. Гейне-Вagner, ибо тут речь идет не только об очень хорошей исполнительнице партии Дездемоны, а о появлении на нашей эстраде новой талантливой советской певицы.

Как известно, роль несчастной жены мавра в опере Верди совсем невелика. Однако Гейне-Вagner даже в концертных условиях сумела создать трогательный, привлекательный, глубоко волнующий образ.

Надо сознаться: сначала создалось впечатление, что Дездемона должна быть более лирически мягкой, светлой и непосредственной, чем та сосредоточенная в себе, серьезная и как будто скованная женщина, какой рисует ее Гейне-Вagner в первом действии. Казалось, что и голос этой певицы слишком драматичен для оперной Дездемоны.

Впечатление это было, однако, ошибочным. Чем дальше развертывалось музыкальное действие, чем больше убеждала нас Гейне-Вagner в светлой правоте создаваемого образа, тем больше сам Верди «заступался» за исполнительницу. Ибо у Верди Дездемона вовсе не спешит с наивной откровенностью сразу поведать слушателям все свои чувства и помыслы. Дездемона у Верди куда сложнее. Композитор подчеркивает ее благородную сдержанность, даже не без доли высокомерия (она ведь дочь венецианского сенатора!). Самое же главное, что Дездемона в опере — вовсе не пассивная жертва чудовищного произвола судьбы. Волевая и по-своему сильная натура — такой выглядит Дездемона у Верди, такой она обрисована у Гейне-Вagner.

Не только робкое недоумение и испуг, смятение и ужас перед неотразимой смертью переживает Дездемона — Гейне-Вagner. И возмущение незаслуженно оскорбленного гордого и чистого сердца и высокое личное достоинство (попираемое, но не поправное!), дух независимости, внутренний протест против несправедливости,

против тирании, рождающийся в минуты страшных испытаний, почуяла в этом образе талантливая артистка. При этом в ее Дездемоне нет ничего от душераздирающей мелодрамы. Наоборот, во всем преобладают строгость, простота, величаящая эпичность, если угодно, даже некоторый холодок. И это превосходно!

Несомненно, лучшими в исполнении Гейне-Вagner (выпрощен, и в самой опере) являются третий и четвертый акты. Та счастливая, спокойная радость — радость любимой и любящей женщины, которая светилась в глазах Дездемоны — Гейне-Вagner в первом действии оперы, давно утасла. Страдания и горе, принеженные к ней так внезапно, совсем изменили ее. Когда в финале третьего акта чудовищные, отвратительные и непонятные ей упрёки и обвинения сыплются на нее из уст любимого Отелло, ее самолюбие уязвлено, счастье, жизнь, благополучие для нее рушатся. Но в мгновенья этой непоправимой катастрофы Дездемона не теряет все же самообладания. Она вовсе не хочет делать окружающих ее чужих людей поверженными своего семейного разлада, несчастья, своих слез. Оскорбленная, униженная перед всеми, Дездемона огромным усилием воли сдерживается и, повинуясь Отелло, молчаливо уходит с площади.

И вот она в своей опочивальне, оставшись, наконец, одна, запевает дивную тихую «Иву». Какая это гениальная находка Шекспира и Верди — песенка, прерываемая ласковыми и горькими репликами, песенка о девушке, которую забыл и бросил ее любимый... Для Дездемоны скрыты, непонятны истинные причины поведения Отелло — для нее непреложно ясно только одно: любимый ее охладил к ней, разлюбил. И в ее «Иве» звучит не жалоба, не плач, даже не укоризна, а только грусть — неизбежная, безмерная, бесконечная грусть о том, что никогда, никогда больше не вернется!..

«Ива» у Верди — и это замечательно! — звучит, как народный образ, как простая народная песня. Дездемона ведь и чувствует себя здесь простой покинутой женщиной. Этот контраст между Дездемоной, оставшейся на людях в самые трудные и тяжелые минуты гордой патрицианкой, и Дездемоной, одинокой, для которой все ушло, все кончилось, все забыто: и высокий сан, и молодость, и счастье, — этот контраст, это «превращение» разительны и оправданы необычайно!

«Песню об иве» и молитву Гейне-Вagner поет с такой проникновенной музыкальностью и с таким вокальным мастерством, которые просто захватывают.

Кроме партии Дездемоны, ни в каком другом репертуаре нам слышать Гейне-Вagner пока не довелось. Но разве не вправе слушатели многого ждать от певицы, создавшей такой яркий и высокохудожественный образ Дездемоны и так спевшей «Песню об иве» в бессмертной опере Верди?

М. СОКОЛЬСКИЙ.